

ПОГРЕБЕНИЕ пятница 7 апреля 30 г.

*Мф. 27:57-66. Мк. 15:42-47.
Лк. 23:50-56. Ин. 19:31-42*

Пятница шла к концу, с заходом солнца начинался суббот-

ний покой, совпадавший на этот раз с пасхой. Оставить в такое время тела на кресте — значило бросить тень осквернения на великий день, и иудеи отправились с просьбой к Пилату ускорить смерть осужденных. Для этого существовала специальная операция, носившая название «сuscipragium», «крестное ломание костей»: молотом перебивали голени распятым, и они, потеряв дополнительную опору, повиснув на руках, быстро задышались. Как в одной этой детали обнаружился характер иудеев, весь формализм их благочестия! «В самом деле, они оказываются совершенно никакого значения не придающими грязным и ужасным беззакониям, а весьма ничтожные мелочи соблюдают с превеликой точностью... Вот убив Христа, они оказывают великое почтение к субботе и, оскорбив Законодателя превышающими слово злодеяниями, принимают благоговейный вид к закону»¹. Пусть и не так, как будущему св. отцу, но и Пилату была отвратительна благочестиво-законническая мелочность иудеев при хорошо ему знакомых их коварстве и жестокости. Нигде этот букет качеств так зловеще не проявил себя, как в случае с галилейским проповедником! Но противиться их просьбам такого рода он не мог: не раздражать без нужды подвластное население — таков был принцип римского имперского правления. «Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним; но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов¹ копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19:32-34).

Густым символизмом насыщены эти действия воинов и явившиеся из них эффекты; невольно было исполнено Божье повеление, касающееся пасхального Агнца, прообраза Христа: «Костей ее (пасхи. — С.С.) не сокрушайте» (Исх. 12:46), и мессианское пророчество: «И они воззрят на Него, Которого пронзили» (Зах. 12:10), а истекшие кровь и вода (скорее всего, жидкость из окологерцовой сумки, образующаяся при разрыве сердца) стали «как бы образом и неким начатком таинственного благословения (евхаристии) и святого крещения»². Действительно, это истечение крови и воды не было естественным процессом: известно, что сколько ни ранить уже мертвое тело, из него кровь не течет, — так что в данном случае можно говорить об особом божественном знамении. Недаром св. Иоанн, единственный из евангелистов передавший этот эпизод, с таким сугубым нажимом настаивает на достоверности произошедшего: «И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин. 19:35). Как ярко выразил суть пронзения Иисусова ребра св. Ефрем Сирийский: «Из бока Адама исшла смерть³, из бока Господа жизнь... Истекла кровь, искупившая нас из рабства смерти, истекла и вода, дабы все приступающие к спасительной крови Его могли омыть рабство порока, коему были подвержены»⁴. По «Евангелию Никодима», обобщившему легендарные предания первых столетий христианской эры, Иосиф Аримафейский собрал излившуюся из ребра Спасителя кровь, смешанную с водой, — так было положено основание знаменитому средневековому сказанию о святом Граале, чудодейственной чаше¹ с драгоценной кровью Христа, которую хранили святые рыцари в загадочном храмовом замке в Англии (по другим вариантам — в Испании).

По глубокомысленному толкованию С. Н. Булгакова, произошло «таинственное разделение телесности Христа»: плоть Его, снятая с креста и погребенная, воскресла в новом духовном качестве и была вознесена от земли, а излившиеся кровь и вода, одушевленная часть этой плоти (кровь всегда рассматривалась как «живая душа» тела, а вода — как первичная мировая стихия), «остались в этом мире», пребывают в нем «как таинственная святыня, как сила жизни, огонь преображения». Так образовалось «динамическое двуединство присутствия человечности Христа на небе (вознесение) и на земле (святой Грааль)»², залог грядущего освящения и преображения земли.

Согласно иудейским установлениям, тела казненных (в том числе распятых) хоронились в общей могиле, «общей яме», а орудия казни закапывались в землю. Но один из почтенных иудеев, «богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса» (Мф. 27:57), «знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия» (Мк. 15:43), «человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их» (Лк. 23:50-51), «ученик Иисуса, но тайный — из страха от Иудеев» (Ин. 19:38), преодолев страх, о котором пишет четвертый евангелист, преисполнившись решимости и дерзновения, пошел к Пилату и просил у него разрешения «снять Тело Иисуса» и захоронить Его. Пилат очень удивился, что Иисус так быстро умер, и даже призвал сотника, чтобы удостовериться в истине этой вести. Кстати, столь быстрая кончина на мучительном орудии казни могла показаться римлянину еще одним знаком праведности Страдальца и расположения к Нему небес.

Пилат не стал противиться желанию уважаемого члена синедриона, и тот осуществил то, что стало настоящим вызовом его соплеменникам, убийцам Иисуса¹: он снял Иисуса с креста и отнес Его в прилегавший к Голгофе сад, где была новая, недавно иссеченная в скале гробница (ее Иосиф Аримафейский предназначал для себя). Помогали ему, очевидно, женщины, бывшие при кресте², и другой тайный ученик Христа — Никодим (свидетельство св. Иоанна). Иосиф же купил широкий погребальный плат (плащаницу), а Никодим «принес состав из смирны и алая, литр около ста» (Ин. 19:39), смесь благовонных веществ, задерживающих разложение, да еще в таком количестве, что хватило бы на царское умашение. Над Пречистым Телом Христа был исполнен традиционный иудейский погребальный обряд: Тело обмыли водой, укутали в обильно пропитанную благовониями плащаницу, лицо и голову повязали специальным полотенцем, укрепив его особыми шнурками, произнесли над Ним заупокойные молитвы и, наконец, поместили Тело в гробнице, привалив тяжелый камень ко входу, дабы хищные звери и птицы не смогли растерзать покойного. Св. Лука отмечает, что присутствовали при этом «женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи» (Лк. 23:55), свв. Матфей и Марк говорят конкретно о двух Мариях: Марии Магдалине и Марии Иосиевой (матери Иосии и Иакова меньшого, иначе — Марии Клеоповой, сестре Богоматери), что «сидели против гроба» (Мф. 27:61) и «смотрели, где Его полагали» (Мк. 15:47). Всё делалось споро, без промедления — приближался час захода солнца и с ним время субботнего покоя. Все разошлись по домам, женщины поспешили загодя приготовить благовонный состав, чтобы, как только кончится суббота, уже самим помазать тело дорогого Учителя — хоть так выразить переполнявшие их чувства страдания, скорби и любви.

Но гонители и убийцы Иисуса, «первосвященники и фарисеи», не находили себе покоя и в наступившую великую субботу; вспыхнувшее беспокойство их было так велико, что, преступив заповедь покоя, двинулись они к Пилату с очередной просьбой: «Господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: “после трех дней воскресну”; итак прикажи охранять гроб до третьего дня; чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: “воскрес из мертвых”; и будет последний обман хуже первого» (Мф. 28:63-64). Выходит, что начальники иудейские чуть ли не лучше учеников раскрыли все Его воскресительные уподобления: и о

единственном знамении, которое дастся им, знамении Ионы пророка, три дня бывшего во чреве китовом, как в пасти смерти, и избавленном оттуда силою Божией, и о храме Тела Его, который Он воздвигнет в три дня по Его разрушению... Пилат был раздражен и недоволен. Опять эти иудейские начальники, опять об этом деле, которое и так оставило в душе какой-то странный, тревожный осадок (поскорее бы о нем забыть!), и он тут же высокомерно-холодно отослал от себя иудеев, не желая самому вдаваться в детали и что-то организовывать: «Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете» (Мф. 27:65). Иудейскому Храму во время больших праздников — во избежание беспорядков — приставляли небольшой отряд солдат из претории («кустодия»). Им и воспользовались первосвященники: «Поставили у гроба стражу и приложили к камню печать» (Ин. 27:66), печать Каиафы. Но эти предостережения, как станет вскоре ясно, лишь послужили еще одним подтверждением истины воскресения.

ЯВЛЕНИЯ ВОСКРЕСШЕГО ГОСПОДА **воскресенье 9 апреля,** **воскресенье 16 апреля 30 г.**

Мф. 28:1-15. Мк. 16:1-14.

Лк. 24:1-49. Ин. 20:1-29

И вот зашло солнце субботнего дня, может быть, самого му-

чительного и безнадежного для учеников Иисуса, которые старались держаться вместе, скрываясь в одном из иерусалимских домов. В сохранившемся отрывке «Евангелия от Петра» (найден в 1886 г.), современного каноническим Евангелиям, первоверховный апостол так описывает состояние учеников в это время: «Я же с товарищами моими печалился, и, сокрушенные духом, мы спрятались, ибо нас разыскивали как злодеев и тех, кто хотел сжечь храм. Из-за этого всего мы постились и сидели, горя и плача ночь и день до субботы»¹. Воистину, это был момент *бogoоставленности*: все рухнуло, Учитель, в Ком на взлетах веры они видели Мессию и Сына Божьего, оказался беззащитно-кротким в руках иудейских авторитетов, народ от Него отвернулся, Сам Он претерпел гнусные измывательства и позорнейшую казнь, а тех, кого Он готовил в «ловцов человеков» по всей вселенной, сковал страх за собственную жизнь, что рассеял их еще в Гефсиманском саду, не дал приблизиться к Голгофе (один Иоанн да несколько женщин были там), а сейчас держал взаперти в ожидании ареста... Никто из них, в отличие от первосвященников, не вспомнил о таинственном обещании воскресения, которое так пытался внедрить в них Учитель. Во всяком случае очевидно, что никто из них не пребывал в ожидании исполнения этого чудесного обетования. Тогда — при всей тревоге и скорби — совсем другая царила бы среди них атмосфера.

Канонические Евангелия переходят далее к описанию уже раннего воскресного утра, когда ошеломляюще обнаружилось невероятное: исчезновение мертвого Иисуса из гробницы и первые Его явления в новом, воскрешенном облике. Однако христианское предание, литургика, иконопись настаивают еще на одном важном событии, произошедшем в Великую Субботу, когда Тело Господа, обвитое - плащаницею, еще покоилось во гробе. Тогда Он, «во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог», «сошел в преисподняя земли» и освободил оттуда Адама и Еву и ветхозаветных праведников, поправ «смертную державу». Как звучит на службе Великой Субботы и в пасхальную седмицу: «Егда снизшел еси к смерти, Животе

Бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества... спит Живот, и ад трепещет, и Адам от уз разрешается... Днесь ад стена вопиет: разрушися моя власть... пожерта моя бысть держава... Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу...».

Первым источником, подробно описавшим это событие, было уже упоминавшееся Евангелие Никодима. В нем приведен рассказ двух воскрешенных сыновей Симеона Богоприимца Карина и Левкия, бывших свидетелями явления Иисуса в «глубины мрака» преисподней. Когда они еще пребывали там, «во тьме и сени смертной», настал момент, когда вдруг озарился ад «золотистым сиянием, подобным солнечному», и разлился царственный свет. Видя это, и Адам, и патриархи, и пророки, и самый их отец Симеон начали восклицать, выражая надежду, что это должен быть Сам «источник света вечного», Сын Божий, грядущий рассеять адскую тьму. И тут появился человек, «походивший на пустытника», — да, это был он, вечный предтеча Христов, предуведомляющий глас Его, с вестью о скором Его явлении к ним. Разворачивается целое диалогизированное драматическое действие: звучат речи Адама и Сифа, идет *тяжелый* разговор сатаны, начальника смерти, с князем преисподних: сатана тщетно умоляет владыку адских мест захватить грядущего сюда Христа, запереть Его в аду, на что князь преисподних исповедует свое бессилие перед Тем, Кто воскресил Лазаря, Кого все здешние силы не смогли удержать, когда раздался с земли божественно-властный глагол: «Лазарь, иди вон!» Тем не менее князь сих мест делает еще жалкие попытки оградиться от Христа: он приказывает «закрывать страшные врата медные, вложить засовы железные», надеясь все же не попасть Ему в плен и сохранить владычество над пребывающими тут. При этом звучит хор праведников, требующих открыть адские врата: «Да войдет в них Царь славы!» И действительно, ослепительно яркий свет озаряет царство смерти, и является через все врата и запоры Сам Христос. Ужас и смятение объемлют князя преисподних, смерть, сатану и всех их «нечестивых приспешников», соединяясь с «боязливой покорностью» и признанием своего поражения: «Ты нас победил!». «Тогда Царь славы, в Своем величии раздавив пятою Своею смерть и овладев сатаною, лишил ада всей его власти и привлек Адама к сиянию Своего Света»¹. Приказав князю преисподних заключить под свою власть, взамен Адама и всех праведников, самого сатану и сотворив над недавними узниками ада крестное знамение, Иисус взял Адама за правую руку и вывел его отсюда вместе со всеми святыми — под хор их славословия Христу как Богу во веки веков, Великому Милостивцу, разрешившему их грехи. Таким образом, вышло, что ветхозаветные праведники исповедали Иисуса как Сына Божия, в то время как на земле живущие тогда иудеи, да и те, кому еще предстояло жить в грядущие столетия, при всем их почитании своих библейских праотцев и пророков, так в большинстве своем и отвергли Его. И вот наконец Иисус передал руку Адама Михаилу Архангелу и ввел всех «в благодатную славу рая», где встретили их трое: Енох и пророк Илия, вознесенные в свое время сюда Господом, а также разбойник благоразумный, у кого на плечах виднелись знамения креста. «Ты, оказавший такую милость грешникам и приведший их в райское блаженство, на тучные пастбища Твои, где царит истинная жизнь духовная. Аминь»¹, — такой всеобщей хвалой Освободителю и Спасителю и завершается рассказ сыновей Симеона, которые сами по истечении трех дней Пасхи отошли за Иордан и оттуда были вознесены на небо.

Знаменательно, что в древнерусском храмовом искусстве с XI до конца XVI века, начиная с фресок Софийского собора в Киеве, сама тема Воскресения изображалась как Сошествие во ад. По утверждению Н. С. Лескова, это была любимейшая икона русского народа, византийский канон которой сложился как раз на основании Евангелия Никодима. При том, что существовало несколько изводов этого иконописного сюжета, он дышал единым победоносным и искупительным духом: Иисус, стоящий на поверженных адских вратах, изображался всегда в состоянии

порыва с развевающимися складками плаща (спешит совершить главное дело!). Он поднимает из гробов Адама и Еву, выводит их из преисподней в окружении толпы ветхозаветных праотцев, царей, пророков. В псковской иконографии фигура Иисуса обрамлялась овальной мандорлой с изображениями серафимов, символизирующей Славу Спасителя. В более поздних иконах, с конца XV в. возникают изображения адской пещеры, связывания сатаны ангелами, пронзания пиками разнообразных грехов, отмеченных надписями: *гнев, смерть* и т. д., шествия воскресенных праведников с правого бока от темной преисподней... Так зримо разрабатывалось важнейшее богословское умозрение, литургически, на службе Великой Субботы, выраженное стихами: «Во гробе субботствует, новое нам подая субботство». Великий субботоборец (в ветхом смысле дня не-делания и покоя), Иисус и в эту Великую Субботу, канун пасхального Воскресения, открывая новую метафизически-историческую эпоху для самого человечества, подает пример Дела, Дела великого, онтологически-искупительного.

Едва окончился субботний покой, женщины, две Марии, Магдалина и Клеопова, и Саломия, мать Иакова старшего и Иоанна евангелиста, приготовив ароматическую смесь для бальзамирования, отправились в ночи, когда только-только пробивался рассвет воскресного дня, «первого дня недели», по иудейским представлениям, в сад Иосифа Аримафейского, ко гробу Учителя. О том, что там приставлена стража и гроб опечатан, они не знали. По дороге их волновало одно: «Кто отвалит нам камень от двери гроба?» (Мк. 16:3). Как рассказывает св. Матфей, между тем при гробе развернулись поразительные события: «Сделалось великое землетрясение: ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был как молния, и одежда его бела как снег» (Мф. 28:2-3)¹. Страх и трепет пронзили стражников, они пришли в состояние настоящего шока («стали как мертвые» — Мф. 28:4) и только чуть оправились от него, как тут же бежали в город.

Когда же Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия подошли к месту погребения Иисуса, они увидели, что камень отвален и никого нет вокруг. Решив, что тело Учителя кто-то похитил или взял, Мария Магдалина немедленно побежала к Петру и Иоанну и сообщила им невероятную, странную весть: «Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» (Ин. 20:2). В это время другие женщины решились войти в погребальную пещеру и увидели там сидящего по правую сторону пустого гроба «юношу, облеченного в белую одежду», вид которого привел их в священный ужас. «Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Мк. 16:5,6-7). Св. Марк, так описывающий этот эпизод, добавляет, что женщины, пришедшие в «трепет и ужас» от таких известий, тут же удалились от гробницы, «и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16:8).

Между тем уведомленные Марией Магдалиной Петр и Иоанн побежали в сад Иосифа Аримафейского. Иоанн обогнал Петра и первым заглянул в пещеру, «увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб» (Ин. 20:5). Так сильны были страх и внезапное оцепенение перед тем, что он мог увидеть. Но подоспевший порывистый Петр, не раздумывая, вошел внутрь склепа и увидел, что лежит одна плащаница и в стороне от нее — свитый головной платок. Тогда за ним вошел и Иоанн, увидел ту же странную картину «и уверовал» (Ин. 20:8). Во что же уверовал любимый ученик Иисуса? Похоже, пока только в то, что сообщила им Мария Магдалина: тело мертвого Иисуса, действительно, пропало... Впрочем, более чем удивительны были эти аккуратно сложенные пелены и платок! Если кто-то украл тело и унес, то не стал бы он (в спешке, в страхе, что вот-вот проснутся стражники) разворачивать мертвое тело, тем более что пелены пришлось бы отдирать чуть ли не с мясом — так обильно они были умащены, а

смирна, входившая в благовонный состав, по выражению блаж. Феофилакта, «не хуже смолы приклеивает пелены к телу»¹. Сам этот факт стал одним из аргументов против распространявшейся иудеями, а позднее — некоторыми критиками христианства, версии о том, что тело Иисуса было украдено, и скорее всего, Его же учениками.

Евангелист Иоанн, рассказывая о тогдашних чувствах своих и Петра, не скрывает: «Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых» (Ин. 20:9). Выходит, что даже самые приближенные к Иисусу апостолы не вместили в себя то, что так настойчиво утверждал Он о Себе в последние полгода перед Голгофой! И сейчас им и в голову не приходит, что пророчество точно сбывается. Во власти горестной растерянности, ощущения своего бессилия: куда подевалось тело Учителя, кто осквернитель, могут ли они, когда им самим грозит опасность, поднимать шум, организовывать поиски?! — ученики возвратились в свое убежище.

Мария Магдалина осталась одна и, наклонившись в пустой гроб, плакала и вдруг увидела перед собой двух ангелов в белом; сидели они один на месте, где прежде покоилась голова Иисуса, другой — где ноги. «И они говорят ей: Женщина! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин. 20:13). И тут же какая-то сила заставила ее обернуться, и она увидела снаружи некоего человека, которого она поначалу приняла за садовника. Тот, как только что ангелы, спросил о причине ее слез и кого она ищет. В Марии вспыхнула слабая надежда — вдруг этот садовник и есть разрешение загадки: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20:15). И тогда человек сказал ей одно только слово: «Мария!» — и это был единственный в мире, самый дорогой, казалось бы, навеки умолкший голос... С криком «Раввуни!» («Учитель!») она бросилась к Его ногам. Но Иисус (да, это был Он, но в новом, неузнаваемом виде!) остановил ее: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). Какая удивительно достоверная и таинственная деталь, непосредственно от Марии Магдалины попавшая в христианское предание и писание! «Не прикасайся!» — значит Тело Иисуса в этот момент сразу после воскресения находилось еще в таком состоянии, что его нельзя было трогать — оно было не только какой-то более тонкой, преображенной субстанции (вспомним позднейшее Павлово откровение: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» — 1 Кор. 15:44), но и находилось еще как бы в процессе становления к этому новому качеству («еще не восшел к Отцу Моему»).

Итак, Иисус после воскресения является Марии Магдалине, из которой, как отмечает другой евангелист, Он «изгнал семь бесов» (Мк. 16:9). Из всех окружавших Его людей только о ней рассказывается *такое*, только ее Он так радикально очистил, и от такой нечисти, и вознес к высшей участи — быть рядом с Самим Богом и служить Ему. И ее претворенное естество должно было более других гореть любовью к Учителю, растворяться в благоговении к Нему и пронзиться, может быть, более других Его концом. Она и получает за свою великую любовь и великую упорную боль избраннейшую награду: устаивает ее Господь исключительной чести первой видеть и слышать воскресшего Учителя.

Хотя именно с фигурой Марии Магдалины, рисовавшейся в рационалистической критике натурой нервно-возбудимой, чуть ли не страдавшей эпилепсией, и крайне восторженной — вспоминали и семь бесов, и проявления ее чувств при гробе Иисуса, — связывалась довольно распространенная визионерская гипотеза воскресения Христа, в которой этот фундаментальный факт христианства подавался как результат искреннего самообмана: страстно желаемое было принято за действительное. Еще известный языческий критик христианства II в. Цельс писал о «полусумасшедшей женщине», которой восставший из мертвых то ли примерещился, то ли приснился. А Э. Ренан решительно заявлял, что в установлении веры в

воскресение «видную роль» сыграла «сильная фантазия Марии Магдалины», так что «страстное чувство галлюцинирующей женщины дало миру воскресшего Бога»¹. Не говоря уже о «блестящей» легкомысленности подобных утверждений (сколько было бы у человечества вселенских богов и мессий, если бы они так легко порождались и укреплялись в массовом сознании!), об их метафизической пошлости и неглубокости, простые факты говорят об обратном: в этот момент совершенно отсутствовала почва для субъективных видений, грез наяву — никто, ни ученики, ни женщины, и не помышляли о возможности воскресения Распятого Учителя, не было ни надежд, ни ожиданий, никакой экзальтированной настройки воображения (та же Мария Магдалина плакала лишь о том, что не знает, куда и кто унес тело Иисуса).

Душевный подъем, потрясение, восторг объемлют Марию Магдалину только после явления ей Христа, и в таком состоянии она и пошла немедленно к ученикам, сидевшим взаперти, «плачущим и рыдающим», «но они, услышавши, что Он жив и она видела Его, — не поверили» (Мк. 16:10,11). Вскоре туда же пришли и другие женщины и начали рассказывать такие же необыкновенные вещи: о явлении им ангела при гробе и словах его. Св. Лука несколько иначе, чем св. Марк, передает то, что случилось с женщинами: «Вдруг предстали пред ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, — сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?» (Лк. 24:4-5). И далее ангелы возвестили воскресение Иисуса, и более того — прямо обратились к Его свидетельству о Себе. «Вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть» (Лк. 24:6-7). Евангелист, между прочим, отмечает, что женщины сразу вспомнили это пророчество Иисуса, зато когда сейчас они, захлебываясь от волнения и говоря одновременно, стали все это возвещать «одинадцати и всем прочим» (значит, кроме апостолов, тут были и другие ученики), те не поверили им. Тогда женщины открылись, что и они сами, несмотря на все повеления небесных вестников, сначала боялись и говорить кому-либо о виденном и слышанном (справедливо предвосхищая такое вот недоверие к себе), но по дороге им явился Сам Иисус, приветствовал их словом: «Радуйтесь!» и повторил повеление: «Не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28:10). Но первая реакция учеников на все рассказы женщин была одна: восторженные и чувствительные создания ярко воображают то, чего бы им так хотелось, а то и просто бредят от горя: «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лк. 24:11), — ну чем не оценка каких-нибудь будущих цельсов и ренанов!

В это время свои события происходили в священном центре иудейской столицы. Потрясенные стражники тут же от гроба Иисуса явились к тем, кто их туда приставил, и рассказали обо всем случившемся. Первосвященники со старейшинами немедленно собрали закрытое совещание, где приняли решение пойти на подкуп и обман. Логику их действий раскрывает «Евангелие от Петра»: «Ибо лучше, говорили они, нам быть виноватыми в величайшем грехе перед Богом, но не попасть в руки народу иудейскому и не быть побитыми камнями»¹.

Воинов одарили немалыми деньгами и наказали: «Скажите: “Ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали”» (Мф. 28:13). Возможно, что стражники не были собственно римскими солдатами — таковым за сон на посту полагалась смертная казнь. Впрочем, те же первосвященники уверили их: если эта история дойдет до правителя, т. е. Пилата, они сумеют убедить его не преследовать их. И воины, «взявши деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово это между Иудеями до сего дня» (Мф. 28:15). Итак, версия о том, что тело Иисуса было украдено учениками во время сна стражи (правда, непонятно, если стражники крепко спали, как они могли знать, кто и как выкрал тело), а потом сами «воры» и выпустили

слух о Его воскресении, распространилась сразу же после события и была в ходу уже в середине первого века, когда создавалось Евангелие от Матфея. О ее состоятельности поговорим чуть позднее.

О следующем явлении воскресшего Учителя рассказывает св. Лука. В этот же первый воскресный день двое из Христовых приверженцев «шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Еммаус¹, и разговаривали между собою о всех этих событиях» (Лк. 24:13-14). Кто были эти двое? Во всяком случае, не из одиннадцати ближайших, а из других учеников, возможно, из семидесяти апостолов. Далее называется имя одного из них — Клеопа, скорее всего, это был муж двоюродной сестры Богоматери, в определенном смысле — родственник Иисусу по плоти. Предание полагает, что второй был сам будущий евангелист Лука, чем можно объяснить такую *детальность* в передаче этого эпизода.

Рассуждавших между собой эммаусских путников догнал по дороге и присоединился к ним как попутчик некий человек — это был Иисус, сразу объявляет в своем рассказе св. Лука, но тогда «глаза их были удержаны, так что они не узнали Его» (Лк. 24:16). Св. Марк, кратко пересказывая этот же эпизод, прямо говорит, что Иисус был не в знакомом им виде, а «в ином» (Мк. 16:12) — новое подтверждение трансформации повоскресного облика Христа. Многие толкователи полагают, что Он мог по желанию менять Свою внешность и здесь специально не открылся им, чтобы не поразить их сразу настолько, что они потеряли бы способность воспринять то поучение, которое Он хотел им для начала преподать. Иисус подходит к делу, как и в прежние времена, постепенно и осторожно, спрашивая, о чем же они беседуют и почему *так печальны*. Конечно, Ему и так прозрачны их сердца, но Он желает, чтобы они сами, как выражается блаж. Феофилакт, «открыли все свои недоумения, обнаружили свою рану и потом уже приняли лекарство»¹. Так же Он вел Себя при первом Своем явлении и с Марией Магдалиной, сначала расспросив ее, о чем она плачет и кого ищет. Иисусу было ясно, что Клеопу и Луку терзали глухие сомнения: они так и не поверили рассказам жен-мироносиц (о которых они, кстати, могли знать из вторых или третьих уст) и пребывали в томительном недоумении. На расспросы незнакомца Клеопа выразил удивление, как это он, хотя, по-видимому, только паломник в Иерусалим, не слышал о главном событии этих дней, что всколыхнуло всех иудеев. Но Иисус продолжил педагогическое испытание и сделал вид, что ничего не знает. Тогда эммаусские путешественники, рассказав неожиданному странному попутчику о пророке Иисусе Назаряине, «сильном в деле и слове пред Богом и всем народом», которого первосвященники и начальники осудили на смерть и распяли, «а мы надеялись-было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло» (Лк. 24:19-21). Вот она точная степень их веры и неверия одновременно, их разочарования и остающейся надежды — ведь недаром упоминается этот третий день, о котором не раз говорил Иисус как о дне Своего восстания из мертвых. И далее пересказывают они с чувством изумления и вместе недоверия о женщинах, свидетельствовавших об «явлении Ангелов», о «некоторых из наших» (как мы помним, это были Петр и Иоанн), что также нашли пустой гроб, «но Его не видели» (Лк. 24:23,24).

И тогда Иисус приступил к раскрытию духовных очей Своих учеников: сначала, как умный и проницательный книжник, Он обращает их, «несмысленных и медлительных сердцем», к пророческим глаголам, к мессианским предсказаниям, в луче которых освещается все произошедшее с их Учителем: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк. 24:26-27). Толкователи насчитали более трех десятков мест Ветхого завета, которые мог приводить и толковать Иисус Луке и Клеопе, от эпизода испытательного жертвоприношения Авраамом своего сына Исаака (прообраз голгофской вольной жертвы), от пасхальной символики агнца до Божьего обещания

Нового Завета и Нового Пастыря людям и пророчеств Исаии о смиренном и униженном Отроке Господнем, претерпевшем гонение и смерть, понесшем на Себе грехи и беззакония мира (где были предсказаны даже детали: «Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого» — Ис. 53:9), и о Его явлении в мир «с силою» и «властью», до многочисленных мессианских псалмов с таким, к примеру, предвосхищением воскресения: «Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс. 15:10)... И глаза учеников стали прозревать глубокий, провиденциальный смысл событий: нельзя было соблазняться уничтожением и страданием Христа-Мессии, вплоть до Его добровольной смерти, ибо они входили в намерение Божественного домостроительства перед Его воскресением и прославлением.

Наконец подошли они к Эммаусу. Иисус «показывал им вид, что хочет идти далее» (Лк. 24:28), т. е. стал, очевидно, прощаться с ними, как бы давая им свободу и проверяя, насколько Он их *зацепил*. Но те стали горячо просить Его остаться с ними: мол, день уже клонится к вечеру и пора отдохнуть, и у них есть такое место, где можно устроить вечерю. «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его; но Он стал невидим для них» (Лк. 24:30-31). Так же как глаза их были вначале особым произволением Божиим «удержаны», сейчас они наконец разверзлись. И толчком к этому была единственная в мире манера Иисуса благословлять хлеб и преломлять его. Обжигающий момент узнавания — и тут же Иисус исчезает, обнаруживая новые особенности Своей преображенной, воскрешенной телесности: принимать различный вид, становится невидимой, проходить сквозь закрытые двери, как то будет вскоре. И сразу заговорили в радостном возбуждении оба ученика, вспоминая, как горело их сердце, когда они слушали Его изъяснения пророков, уже втайне, полусознанно предчувствуя, Кто идет с ними. Оставив трапезу, несмотря на вечерний час, они поспешили обратно в Иерусалим к одиннадцати апостолам и *бывшим с ними*.

Ученики Христовы, как мы помним, находились в одном месте, может быть, в той самой сионской горнице, которая приютила их для совершения пасхи. Да, они боялись задержания, суда, казни, прятались от властей, но какие все же чувства преобладали в них? Если только страх, то им, скорее, надо было бы по одному уходить из города или по одному скрываться, а не собираться вместе, так чтобы легче было их взять... Пусть в это скорбное и тревожное время вера их и потускнела, а то и вовсе на время надломилась, но не любовь к Иисусу. Их скрепляла общность этой любви, тем более сейчас сильной, что соединялась она с состраданием к поруганному Учителю, с чувством неизмеримого горя и тоски. Но к тому моменту, когда пришли двое из Эммауса, в них уже назревал радостный перелом, они «говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24:34), а тут еще Лука и Клеопа со своими поразительными рассказами... Правда, св. Марк в своем кратком перечислении явлений воскресшего Господа указывает, что «и им не поверили» (Мк. 16:13).

Как бы то ни было, ученики возлежали за поздней трапезой и внимали свидетельствам эммаусских путников с чувствами смешанными: надежда и ожидание необыкновенных событий и окончательных уверений росли, но сохранялись и недоверие, и сомнение... И в этот момент перед ними вдруг возник Иисус, «стал посреди и говорит им: мир вам!» (Ин. 20:19). Это традиционное иудейское приветствие, наполненное у Него и прежде расширенным значением, на этот раз несло особенно глубокий, новый смысл. Он впервые явился Своим ученикам в почти полном их составе после совершения Своего искупительного подвига, примирившего человека с Богом, землю с небесами, принесшего мир и внутрь самого человека, — освобождены были наконец, в *онтологическом принципе*, сыны Адама от фатальной власти первородного греха, дьявола и смерти (хотя эмпирическая власть смерти и греха оставалась в мире). Но в первый миг Его явления ученики не столько возликовали,

сколько *смутились и испугались*, решив, что «видят духа» (Лк. 24:37), может даже и такого, который, приняв знакомый облик и голос, пришел соблазнить их, как о чем-то подобном — мелькнуло в их головах — и предупреждал не раз дорогой Учитель. Ведь они хорошо помнили, что тщательно заперли все двери, кто же это мог быть, кроме духа? Способность тонкого повоскресного тела Иисуса преодолевать материальные препятствия, ограничения пространства и времени еще не была ими осознана и только-только (как сейчас) познавалась. «Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги» (Лк. 24:38-40) — так удостоверяет Иисус главную истину, истину Своего воскресения: Он не просто является как некий призрак умершего, в нем действительно воссоединилась целостность духа, души и тела. При этом для воскрешения особенно важен именно третий компонент этой целостности: восстановление телесности. Другое дело, что это уже телесность претворенная и прославленная. «Ибо тело Господа, — писал блаж. Феофилакт, опираясь прежде всего на боговдохновенные прозрения ап. Павла, — хотя не было духом, но было “духовно”, то есть чуждо всякой вещественной грубости и управлялось духом. Тело, какое мы ныне имеем, “душевно”, то есть управляется душою и оживотворяется естественными и душевными свойствами и силами. А тело, каким оно будет по воскресении, Павел называет духовным (1 Кор. 15:44), то есть оно оживотворяется и управляется Духом Божиим, а не душою, быв неизреченным и духовным образом пересоздано для нетления и сохраняясь в оном»¹. Тело Иисуса в Своем новом, высшем качестве уже было *над* природными потребностями, в частности — оно не нуждалось в пище, хотя именно в этом эпизоде для уверения учеников, что Он не дух (те «от радости еще не верили и дивились» — Лк. 24:41), Иисус попросил Себе еды: «Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв ел перед ними» (Лк. 24:42-43). Во вкушении воскресшим Господом рыбы и меда можно видеть такое же *нисходящее, кенотическое* чудо, как и в той трапезе из телянка, масла, молока и пресных хлебов, которую ели три Ангела (ветхозаветная Троица) при явлении Их Аврааму у дуба Мамрийского.

И повторил Иисус: «Мир вам!» — тем самым подчеркнув новое, особое наполнение этих слов. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20:21), вновь утвердив Свое было разбежавшееся и растерявшееся стадо в апостольской миссии. «Сказав это, дунул и говорит им: ПРИМИТЕ ДУХА СВЯТОГО. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:22-23). Дары Духа Святого были обещаны апостолам на другое время: после того, как Христос возвратится к Отцу и пошлет ученикам Утешителя (что и произошло на Пятидесятницу). Пока же это как бы приуготовительный акт к будущему всецелому и совершенному приятию Святого Духа, своего рода залог будущей Пятидесятницы. Еще создавая человека из праха земного, Господь «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7) — так запечатлел Бог Собственные образ и подобие на Своем вершинном творении. Сейчас же, искупив вину падшего ветхого Адама, Христос Своим дуновением как бы запечатлевает на апостолах образ новой твари, которой обещается слава нетления и обожения, дает избранным ученикам то право, которое до того принадлежало лишь Господу: право отпускать грехи. Такое расширение на самих людей Божественной прерогативы — и есть уже начаток их обожения. И православная, и католическая Церкви усматривают в этих словах Спасителя установление таинства покаяния; его совершение здесь возлагается на апостолов, а затем перейдет и к священнослужителям¹.

И хотя это специально не отмечено в Евангелии, Иисус, скорее всего, удалился так же внезапно и чудесно, как и явился среди учеников. Но перелом уже совершился: ликование, вера, подъем поселились в их сердцах. Началась та невероятная

метаморфоза, которая превратила горстку простых, малообразованных галилеян, испуганных и отчаявшихся, в страстных исповедников, самоотверженных миссионеров, духовных героев и бесстрашных мучеников, что встали против целого мира, враждебного, сильного, искушенного в своей учености, в своей воле к власти физической и духовной, — и этот мир они вместе со Своим Божественным Учителем сумели религиозно убедить и победить. Без их сугубой уверенности в воскресении Христа такого чуда никак произойти не могло бы. Так же как не могли стать таковыми заведомые обманщики, выкравшие тело Иисуса и распустившие слухи об Его воскресении. Еще Ориген говорил о том, что сознательная ложь никак не могла бы влить такую поразительную твердость, воодушевление и самоотречение в учеников².

Один из учеников, седьмой в списке апостольском, Фома, «называемый Близнец» (что, собственно, и есть перевод имени Фома), не присутствовал при вечернем явлении Иисуса. «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25). Прошло восемь дней, закончилось пасхальное празднество, и перед возвращением домой в Галилею ученики вновь были все вместе в доме, скорее всего, в доме матери будущего евангелиста Марка. И вновь так же неожиданно, неизвестно откуда и как — при все тех же запертых дверях, — возник перед ними Иисус с теми же приветственными словами: «Мир вам!» И тут же обратился к Фоме — явно, он был главным поводом Его последнего иерусалимского посещения учеников. Иисус повторил то, что требовал Фома для уверения в действительности воскресения, но лишь в форме повеления: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои¹; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27). Вложил ли дотошный ученик перста свои в раны и ребра победившего смерть Учителя — Евангелие умалчивает², возможно, ему оказалось достаточно созерцать Иисуса и слышать Его; известно лишь, что «Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28). Обратим внимание, что эти слова Фомы были первым и совершенным исповеданием Христа, произнесенным от апостольской общности после Его воскресения. Оно ставится в определенную параллель с известным исповеданием Петра, за полгода до Голгофы: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16). У Фомы появляется новый, экзистенциально-сердечный момент: *мой*, столь существенный для будущего христианского восчувствия Божественного Ты, укорененного в интимные глубины «я» каждого человека. И бесы «веруют и трепещут», но разве могут они произнести «мой»?!

Да, Иисус сказал Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29) — и тем самым поставил выше тех, кто пойдет на акт веры, *не видя и не влагая перстов*, как Фома, что, кстати, и станет невозможным после вознесения Христа. Блаж. Феофилакт не совсем согласен с теми, кто «в защиту Фомы предполагал, что он не скоро поверил по своей основательности». Вместе с тем толкователь признает, что апостол «от прикосновения к бедру сделался отличным богословом», исповедав «два естества и одно лице во едином Христе»¹. Действительно, «неверие» Фомы, требующее себе ясных, осязаемых доказательств, имеет и свои сильные стороны. Такой апостольский *скептицизм* — необходимый противовес слепой религиозной экзальтации, могущей не распознать *духов* и соблазниться какой-нибудь ловкой иллюзионистической подменой; из него, как это ясно в случае с Фомой, рождается уже самая неколебимая и экзистенциально-неизымаемая вера («Господь мой и Бог мой!»). Недаром настоящий гимн Фоме воспел свт. Иоанн Златоуст, высоко поставил он «доброе неверие» апостола, важность опытного познания (слышал, видел, осязал!) той истины, которую скоро понесут в мир ученики, истины Воскресшего Богочеловека: «Я приветствую твою недоверчивость, как рассеивающую всякую

недоверчивость... Не верь, не верь еще и еще, чтобы я мог поверить тем тверже. Взыскуй Господа и требуй Его присутствия, чтобы, воспользовавшись твоими усилиями и настойчивостью, я мог обнять своего Искупителя». Так «неверие» Фомы, по словам святителя, делается «матерью нашей веры»².

ПЕРВЕНЕЦ ИЗ УМЕРШИХ

Прежде чем перейти к завершающим евангельским событиям, остановимся на самой сути новой веры, которая по настоящему явилась в мир с победного воскресения Иисуса. Да, этот капитальный факт победы над смертью и прямо связанное с ним обетование всеобщего воскресения и есть сердцевина христианства, его, если хотите, формообразующий *ген*. Уберите его — и от христианства собственно своего не останется, разве что высокое нравственное учение (но тут конкуренция немалая: от Сократа и Конфуция до Ганди). Оттого так старались противники и критики христианства выбить именно этот *ген* и тем фактически рассыпать на разрозненные куски и обломки единый его организм. Еще эпикурейцы и стоики, приведшие ап. Павла в афинский ареопаг, и находившиеся там просвещенные граждане, поначалу внимавшие было речам апостола о Творце мира, об искании истинного Бога, о покаянии (как же, ничто они так не любили, как «говорить или слушать что-нибудь новое» — Деян. 17:21), едва услышали о воскресении Христа и о воскресении мертвых, тут же презрительно заткнули уши и попросту выгнали проповедника подобной нелепости («одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» — Деян. 17:32). А римский правитель Иудеи Порций Фест, кому тот же апостол Павел пытался говорить о Христе, восставшем из мертвых, дабы «возвестить свет народу Иудейскому и язычникам», негодуя громким голосом прервал его: «Безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия» (Деян. 26:23,24). Одним разящим словом Павловым: «А МЫ ПРОПОВЕДУЕМ ХРИСТА РАСПЯТОГО, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23). История борьбы с этим «соблазном» и «безумием» идет рядом с историей христианства.

Каких только предположений и теорий не изобрела хотя бы рационалистическая критика Нового времени, чтобы «естественно»-разумно объяснить, а точнее — отместить, раздражавший ее «абсурдный» факт Воскресения Христа!¹ Тут и версия сознательного обмана в многочисленных ее вариациях: то ли Иисуса подменили на кресте другим человеком; то ли подкупили стражников (жена Пилата или влиятельные тайные ученики Распятого), и те сначала дали Ему напиток, свергший Его в глубокий обморок, а затем не стали раздроблять Его голени, а сотник лишь слегка коснулся копьем ребра; то ли Иисус сделал вид, что умер; то ли действительно умер, но тело Его было похищено из гробницы... Тут и ссылки на женскую экзальтированность, дошедшую до галлюцинаций (визионерская гипотеза), и гипотеза спиритическая, рассматривавшая явления Иисуса ученикам наподобие материализованного явления духов в спиритическом сеансе, и родственная ей — магически-магнетическая, по которой Иисус телесно не воскресал, а вознесенной после смерти душой воздействовал на учеников той магической силой, которой Он еще на земле магнетизировал субъектов Своих «чудес» и их зрителей. Существовала и версия, подробно разработанная немецким протестантским богословом первой половины прошлого века Готтлибом Паулюсом: по ней, Иисус на кресте не умер окончательной смертью (с ним случилось нечто вроде, выражаясь современными понятиями, клинической смерти), в гробнице же Он пришел в себя, чему способствовали мощные внутренние резервы Его жизненных сил, а также обильное освежающее умащение и благоприятно теплая температура грота. Он же Сам, прежде чем выйти наружу, снял с Себя и погребальные

пелены. В духе этой же гипотезы делались предположения, что вывести Его из коматозного состояния и залечить раны могли помочь врачи, тайно призванные сюда то ли женой Пилата, то ли Иосифом Аримафейским и Никодимом, а может быть, и членами секты ессеев, среди которых Иисус якобы потом и скрывался какое-то время. Другой немецкий философ и протестантский теолог, современник Паулюса, Фридрих Шлейермахер додумал ряд новых деталей этой версии: принимая мнение Паулюса, что Иисус являлся ученикам в Своем обычном теле, а не в каком-то особом, духовно-прославленном, Шлейермахер подчеркивал, что галилейский Учитель сознательно поддерживал заблуждения учеников на свой счет, создавая вокруг Себя атмосферу таинственности, неожиданно являясь и так же внезапно исчезая, не открывая им Своего убежища...

И наконец, знаменитая теория Давида Штрауса рисовала воскресение Христа (и многие другие евангельские события) как миф, в данном случае синтезировавший воскресительные мифы других древних религий, представляя явления Воскресшего лишь «внутренними событиями или галлюцинациями» неуравновешенно-восторженных женщин и полуграмотных, суеверных, эмоционально-потрясенных галилейских рыбаков. И конечно, широкое признание получило мнение, что не столь важен сам факт воскресения (которого буквально не могло быть), сколько вера в него, стяжавшая уникальное культурное значение в человеческой истории...

Евангельские и исторические свидетельства¹, христианская апологетика, богословская мысль убедительно разбивают языческий скепсис и насмешку, плоско-рационалистическое фантазирование, касающееся воскресения Христа. Истины веры лежат совсем в другой, высшей, сверхлогической плоскости, питаются восчувствием эволюционно-восходящего движения мира. В письме от 28 июля — 2 августа 1894 г. к Л. Н. Толстому, как известно, отрицавшему все чудесное и сверхъестественное в евангельской истории и самое воскресение Христа, В. С. Соловьев повторил уже давно найденную, но не теряющую своей силы мысль: «Дело в том, что без факта воскресения необычайный энтузиазм апостольской общины не имел бы достаточного основания, и вообще вся первоначальная история христианства представляла бы ряд невозможностей»². Но главное в его аргументации другое: отметив закономерность возрастания «духовной силы по отношению к материальному существованию», которая действует в развитии мира (то, что американский биолог Д. Дана, а за ним В. И. Вернадский называли цефализацией, «головизацией», неуклонным ростом головного мозга, совершенствованием нервной системы в процессе эволюции живых форм), В. С. Соловьев видит в факте воскресения Христа качественный скачок в эволюции, когда совершенство и высота духовного и нравственного начала в Богочеловеке, в его облагодатствованной человечности достигли такой степени, что сумели целиком овладеть низшей материальностью, в том числе силами распада и смерти. И тогда воскресение «первенца из мертвых» предстает в определенном смысле чудом такого же порядка, «как появление первой органической клеточки среди неорганического мира, или появление животного среди первобытной растительности, или первого человека среди орангутангов»¹. Как писал позднее тот же В. С. Соловьев в небольшой статье «Христос воскрес!»², развивая соображения этого, так и неотправленного, письма к Л. Н. Толстому: «Но то, что представляется как чудо, понимается нами как совершенно естественное, необходимое и разумное событие. Истина Христова Воскресения есть истина всецелая, полная — не только истина веры, но также и истина разума»². Таким образом, на взгляд русского философа, воскресение Иисуса осуществляется Его собственной внутренней духовной силой и являет «первую клеточку» будущего преображенного человечества, обоженной человеческой природы, достигающей власти над материей, бессмертия, воскрешения, творческого претворения мира.

Обращаясь же к текстам Нового Завета, мы неоднократно встретимся с кратким, но четким утверждением, идущим от апостолов: «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян. 2:24), «Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы

умертвили, повесивши на древе» (Деян. 5:30), «Ибо, если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (Рим. 10:9)... В апостольском представлении воскресение Иисуса есть акт Божественной воли, в котором Сын участвует Своим послушанием Отцу, а Дух Святой оказывает животворящее действие, способствующее воссоединению разлученных в смерти Его души и тела. В то время как в пророчествах о Своей участи Самого Иисуса, представленных в десятке мест у евангелистов, типа: «И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мк. 8:31), в одном нерасторжимом ряду стоят Его *отвержение, убиение* (часто уточняется, что вначале будет «поругание и биение», а потом и «распятие» — Мф. 20:19) и *воскресение*, притом что Спаситель ни разу не уточняет, Кто Его воскресит — Отец или Он Сам Себя. Безусловно лишь, что воскресение Он рассматривает как вершину и завершение Своего земного служения, то, в чем заключен самый смысл Его явления людям.

Принимая во внимание апостольскую веру в то, что воскрешает Иисуса Бог Отец при участии животворящего Духа Святого, необходимо уяснить, имел ли Сам Богочеловек, в единстве двух Своих природ, Божественной и человеческой, отношение к Собственному восстанию из мертвых. В патристическом богословии этот вопрос фактически не ставился, в нем утвердился взгляд, что Иисус Христос умер как человек и значит Его душа отделилась от тела, но Божество Его «осталось неотделенным от той и другого», сохранив в обоих «единую Ипостась Слова»¹, и Своею Божественною силой Он и воскрес (что, кстати, приходило в неразрешенное противоречие с апостольским мнением о воскрешении Его Отцом).

Остановимся сначала на моментах, единодушно признаваемых в христианском богословии: хотя и смерть, и смертные муки, и страдание от измывательств не касались Божественной природы Христа, находящейся *над и вне* времени и временных событий, смерть Богочеловека была действительной, а не призрачной: душа Его рассталась с телом, а это и есть главный признак смерти. При этом душа Его, сохраняющая связь с духом, «обожествленная душа», как выражается св. Иоанн Дамаскин, продолжила Свою искупительную миссию, сойдя во ад, дабы соблюсти полноту искупления, включить в круг спасения и ушедших в смерть до Его явления миру. Фигурирующие в «Евангелии Никодима» и на иконах ветхозаветные праведники, выводимые из ада, должны являть собой представителей всего до-Христового человечества. Недаром тот же св. Иоанн Дамаскин говорит о воссиявшем свете для всех «находившихся под землей, пребывавших во тьме и сени смертной»², не выделяя конкретно библейских праотцев и пророков, — так что вряд ли возможно суживать охват искупленных Иисусом только ими, как то буквально мыслят католические теологи.

Тело же Иисуса, покоившееся во гробе, было мертво, но оно не превратилось в то, во что превращается всякий умерший человек: тронутый тлением, а затем и разлагающийся труп. Почему это было так? Еще в земном воплощении дух Богочеловека властвовал над Его телесностью, и это соотношение духа и тела в какой-то мере сохранилось и после смерти. Его умершее тело не утратило связи с покинувшим его духом, который был столь силен и совершенен, что сумел остановить силы распада, и телесность Иисуса явила в тридневие, предшествующее Его воскресению, образец того, что позднее обнаружится — пусть и не в такой форме — в святых мощах.

Надо учесть и то, что Иисус воспринял целиком человеческое естество, кроме одного: греха, и плоть Его была безгреховна, не несла в самой себе начал ущерба, смерти и тления, а смерть, добровольно Им испытанная, могла осуществиться только как внешне насильственная, «а потому и не могла пройти так глубоко в смысле разрушения связей духа с телом, как у всякого человека»¹, — отмечал С. Н. Булгаков.

Именно этот русский богослов и философ синтезировал в своем взгляде на Христово воскресение и мнение апостолов, и патристическое представление, добавив к ним подход

В. С. Соловьева, встав на точку зрения синергизма, взаимодействия и Бога Отца, и Бога Духа Святого, и Богочеловека в нераздельном и неслиянном единстве двух Его природ. Воскресение Христово, это «абсолютное чудо», «новый творческий акт Божий», ибо здесь, в отличие от известных случаев ветхозаветных и новозаветных воскрешений, смерть побеждается окончательно, возникает новое бессмертное качество духовной телесности, — есть таким образом результат совокупного действия всей Святой Троицы. «Бог воскрешает Христа и Христос воскресает властью Своей души над телом — воскрешение есть и воскресение»². Да, всемогущая воля Отца, свершаемая чрез Духа Святого, лежит в основе этого акта, ибо в кенотическом самоумалении Сын лишается Божественной силы в полной мере и только по воле Отца, послушно преклонив Себя ей, обретает эту силу. Но восстание Богочеловека из мертвых нельзя рассматривать только как действие над Ним двух других ипостасей Троицы, как если бы Он лишь *претерпевал* воскресительное над Собой действие. Можно ли тогда сказать, что Он по-настоящему победил смерть? Дело в том, что Воскресение стало одновременно свершением обеих Его природ, и не только Божественной, но и человеческой. Как мы помним, человеческое естество Иисуса развивалось и возрастало, обретая все большую благодатную власть духовной силы над материальными процессами падшего мира (что ярко выразилось в чудотворении), — на этом пути зафиксированы важнейшие точки, как бы скачки в высшее качество: это и Крещение, и Преображение, и наконец, как завершение этого восходящего ряда все большего обожения человеческой природы Иисуса, как торжествующий финал истории Боговоплощения, Его нерасторжимого, «нераздельного и неслиянного» брака с человеческим естеством, — Воскресение из мертвых, когда «Его душа, одухотворенная Логосом, получила власть возвратить Свое тело»¹, тело, обретающее более тонкую, духовную материальность, стоящую выше физических законов.

Воскресение Богочеловека потому и получает такое центральное значение в христианской вере, что в нем воскресительную силу обрела и человеческая природа Иисуса, более того — факт сей проецируется на весь род людской, которому дается обетование восстания из мертвых и жизни вечной. Первый, кто, вслед за Самим Христом, так нераздельно связал воскресение Спасителя и будущее воскресение всех, был ап. Павел. «Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?» (1 Кор. 15:12). Так апостол утверждает событие воскресения Богочеловека как некое прообразование грядущего воскресения умерших. Но далее ап. Павел предлагает удивительный логический парадокс: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес» (1 Кор. 15:13). Этот поразительный ход от следствия к причине обнаруживает внутренне-необходимую связь двух воскресений — Христа и всех умерших — не как двух событий, а как двух идей. Как событие религиозной веры Христос мог воскреснуть просто для демонстрации Своей Божественной мощи, и это вовсе не означало бы, что и мертвые должны восстать. Но Христос воскресает именно как обещание, как предварение, если хотите, как проект всеобщего воскресения. Если же этот проект не реализуется (по формуле Павла, «если нет воскресения мертвых»), то и сам проект как бы недействителен («то и Христос не воскрес»). Из самых глубин апостольского сердца исторгается тогда: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14), т. е. если и самого *проекта* нет, не было явлено, то нет и веры христианской, а сами апостолы, ученики, первые и последующие проповедники и миссионеры, да и все христиане в таком случае «оказались бы и лжесвидетелями о Боге» (1 Кор. 15:15). И вновь повторяет апостол: «Ибо, если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:16-19). Только в этой жизни надеяться на Христа — значит принимать Его только как духовного Учителя, нравственного мудреца, пришедшего на правильных началах устроить эту земную жизнь. А ведь так надеялись и надеются на Него многие (вспомним хотя бы Льва Толстого), теряя главное: прорыв в новую, бессмертную, обоженную природу. «Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?» (1 Кор. 15:29). Вот оно выражение истинно христианской души, для которой все тщетно, все бессмысленно, если поглощается последним врагом — смертью.

«ИДИТЕ, НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ...»

конец апреля — начало мая 30 г.

Мф. 28:16-20. Мк. 16:15-18.

Ин. 21:1-23

Пасхальная неделя подошла к концу, ободренные, уверовав-

шие апостолы уже не знали страха; они покинули иерусалимское убежище и направились в родную Галилею — там им была обещана, еще через Марию Магдалину, встреча с восставшим Учителем. Семеро из них (пятеро называются по имени: Петр, Фома, Нафанаил, сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн) находились вместе, по преданию, в Капернауме — там, как мы помним, был дом тещи Петра. И вот однажды вечером Петр собрался идти на лов рыбы: надо было кормить себя, семью, спутников своих. С ним тут же решили отправиться и другие. В окрестностях городка все семеро сели в лодку и отплыли вглубь Галилейского озера. Но сколько они ни бросали сеть, каждый раз она оказывалась пустой. На рассвете измученные и разочарованные рыбаки возвращались к берегу. Не доплыв метров ста до суши, они заметили на берегу фигуру мужчины и услышали обращенный к ним вопрос: «Дети! есть ли у вас какая пища?» (Ин. 21:5). Это их нисколько не удивило, путники нередко покупали рыбу прямо с лодок. Но на этот раз предложить незнакомцу было нечего. Евангелист сообщает нам, Кто это «стоял на берегу», замечая однако: «Но ученики не узнали, что это Иисус» (Ин. 21:4), — еще одно свидетельство изменения внешнего образа воскресенного Спасителя. «Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы» (Ин. 21:6).

В ту же минуту встала в памяти братьев Зеведеевых и Петра та давняя уже сцена такого же чудесного, по приказанию Иисуса, улова рыбы, после которого они бросили свои сети, чтобы, по Его слову, идти «ловить человеков» (Лк. 5:10). Похоже, что в столь же наглядной *притче* этот зов прозвучал вновь. Первым все понял Иоанн: «Это Господь», — сказал он Петру. Реакция Петра была, как всегда, немедленной и порывистой: одним движением он перепоясал себя одеждой (рыбаки занимались своим промыслом в обнаженном виде, тем более ночью, когда их никто не видел) и бросился в воды озера, чтобы поскорее доплыть до берега. «Здесь мы опять, — отмечает блаж. Феофилакт, — находим указание особенностей в учениках: Иоанн был пронизательнее, а Петр пламеннее. Поэтому Иоанн первый узнал Господа, а Петр первый поспешил к Нему»¹. Тут же подплыла и лодка с другими учениками, и они увидели рядом с Иисусом «разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб» (Ин. 21:9). Эта чудесная картина (откуда так быстро появился костер и на нем печеная рыба, когда Он только что просил у них самих пищи?) не могла не напомнить им, как год назад из благословенных рук Учителя тек поток рыбы и хлеба для насыщения тысяч людей... Правда, на этот раз чудо было еще радикальнее: тогда было что-то вроде «размножения» уже «готового вещества» (свт. Иоанн Златоуст), а теперь, как полагает тот же святой толкователь, Христос создал эту пищу буквально *из ничего*. Прежде чем пригласить всех к трапезе, Иисус попросил принести пойманную рыбу, что и сделал Петр, вытащив «на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть» (Ин. 21:11). Это множество рыб можно толковать и как изобилие даруемых ученикам даров Божиих («ибо не мерою дает Бог Духа» — Ин. 3:34); впрочем, число тут было измерено и даже дало

повод в этой аллегории будущего «улова» увидеть такую разметку: «сто» означает язычников, «пятьдесят» — сынов Израилевых, а «три» — веру в Пресвятую Троицу, главное условие успеха проповеди. «Ибо и сто и пятьдесят, то есть язычники и иудеи, пойманы не без трех, так как без веры в Троицу никто не называется уловленным»². Так же как под последовавшим приглашением Иисуса ученикам: «Придите, пообедайте» — блаж. Феофилакт видит материальный прообраз будущей награды за труды апостольские. Да и хлеб и рыбу здесь, на берегу Галилейского озера (пока еще не в Царствии Небесном), семеро получают для вкушения прямо из рук Иисуса. За этой явно символической трапезой, хотя и в реальном, столь привычном и отрадном декоре: восходящее ласковое солнце, пение птиц, тихий шелест волн, ароматы костра, испеченной рыбы, свежего хлеба, — воцарилась удивительная, безмолвная, потрясенная и благоговейная атмосфера; ученики не смели и глаз поднять на неузнаваемо преображенного Учителя и спросить Его: «Кто Ты?», в полной внутренней уверенности, «что это Господь» (Ин. 21:12).

Трапеза еще продолжалась, когда Иисус прервал молчание и, повернувшись к Петру, вдруг спросил его: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин. 21:15). В своем ответе: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин. 21:15) — апостол обращается к всевидению и всеведению Самого Иисуса — после бывшего позорного отречения, при том что Петру казалось, что такого не может быть никогда, он уже словно боится слишком полагаться на собственное чувство. «Паси агнцев Моих», — ответил ему Иисус. И во второй раз спрашивает, любит ли Его Симон, сын Ионин, и получив такой же, как в первый раз, ответ, вновь повторяет: «Паси овец Моих» (Ин. 21:16). Когда же в третий раз Иисус задал тот же вопрос, «Петр опечалился», увидев в этом недоверие к себе и почти с отчаянием воскликнул: «Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин. 21:17). И тогда завершающе прозвучало все то же повеление: «Паси овец Моих»! Так троекратным испытательным вопросом Иисус стирает троекратное отречение апостола. Трижды отрекся — трижды исповедует свою любовь и получает прощение, восстановление своей миссии верховного пастыря, «главы в лике апостольском» (свт. Иоанн Златоуст).

Но быть «избранным из апостолов», «основанием веры» (свт. Иоанн Златоуст) влечет за собой и избранную судьбу мученика за эту веру. И пророчество об этом избранном венце Своего первоверховного апостола Иисус выражает таким притчевым образом: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21:18), который тут же и разъясняется евангелистом: «Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога» (Ин. 21:19) — смертью на кресте, где прострет он руки на две перекладины и поведут его в мученическую кончину. Правда, Петр такой смерти вроде бы страстно желал, но все равно Иисус в словах Своих *правее* его желания — не может живой человек глубинами своего естества не противиться смертному развоплощению своей единой личности. «И сказав это, говорит ему: иди за Мною» (Ин. 21:19), иди Моим посланником в мир. «Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что?» (Ин. 21:20-21). Евангелист, рассказывая здесь о Петре и самом себе, создает довольно тонкий психологический момент. Не зря же он аттестует себя именно *так*, в связи с вопросом, который он предложил Иисусу как раз по наущению Петра; тот не осмеливался тогда спрашивать — буквально степень их приближения к Учителю в то время была разной: Иоанн «возлежал у груди Иисуса». А теперь, когда Петр получил такие залогов, дары и венцы, он как бы меняется ролью с Иоанном и дерзает поставить вопрос, который должен был волновать и его, конечно (он любил Иоанна и надеялся идти с ним в будущем служении рядом), но прежде всего самого Иоанна — а он на этот раз молчал. «Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ТЫ ИДИ ЗА МНОЮ» (Ин. 21:22). «Христос этими словами, — полагает свт. Иоанн Златоуст, — снова обуздывает его горячность и

научает не быть сверх меры любопытным»¹; судьба ваша будет разной, у каждого — свое задание, а тебе надо идти вперед на свое великое Дело, не оглядываясь, — только и хочет сказать Иисус. Правда, подтверждает сам Иоанн, загадочное слово Иисуса «пронеслось... между братьями», и те поняли его так, что любимый ученик не умрет до Второго Пришествия Христа. Евангелист не разъясняет, что бы могло значить это речение Учителя, он лишь повторяет его — думайте, разгадывайте! Немало толковников этим и занималось, пытаясь согласовать обнаружившуюся реальность жизни четвертого евангелиста и это пророчество Спасителя. Может быть, то имел в виду Он, что явится к любимому ученику в его глубокой старости, чтобы вдохновить на написание Евангелия, как о том гласит предание? А может — оставит его жить долго на земле, единственного из апостолов избавит от мученической смерти, даст пережить разрушение Иерусалима и гибель Храма, что многими и рассматривалось как прообраз, *рeнeтиция* грозного явления Судии в мир, воистину предапокалипсис, по крайней мере для иудеев.

Последнее явление Воскресшего Иисуса всем одиннадцати апостолам — то, что, по всей вероятности, и было возведено Марии Магдалине еще ранним утром дня Восстания, — состоялось на горе в Галилее. Возможно, это была та самая гора близ Капернаума, где раздались великие глаголы Нагорной проповеди. «И увидевши Его, поклонились Ему, а иные усумнились» (Мф. 28:17). Вот это «усумнились» — знак особой достоверности евангельского рассказа, как и свидетельство того, что на горе были не только одни апостолы. Ведь вернувшись в Галилею, ученики своими рассказами о распятии Учителя и Его повоскресных явлениях возбудили во многих и веру, и сомнение, и жгучее любопытство. Оттого и кажется правомерным отождествление этого эпизода с тем явлением, о котором есть упоминание у ап. Павла: «Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть донныне в живых, а некоторые и почили» (1 Кор. 15:6). Здесь в последний раз торжественно прозвучали слова Христа, удостоверившие обретение Им полного объема Божественной мощи: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18), здесь была дана последняя заповедь ученикам, заповедь научения всех народов содержанию Благой Вести Христовой, приобщения их к новой вере: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:18-20), и, наконец, обещание остаться с ними «во все дни до скончания века» (Мф. 28:20).

ВОЗНЕСЕНИЕ

Ч

Мк. 16:19-20. Лк. 24:50-53. Деян. 1:1-14

Так уже в Галилее образовалось ядро первой христианской

общины, и когда верные Воскресшему двинулись дней за десять-двенадцать до Пятидесятницы в Иерусалим, где им было обещано Учителем особое осенение Св. Духом, их было уже немало. (Сразу по Вознесении Иисуса собрание, выбиравшее двенадцатого апостола на место Иуды-предателя, насчитывало около ста двадцати учеников Христа — Деян. 1:16.) На сороковой день после Воскресения, в четверг 18 мая апостолы вновь находились вместе, скорее всего, в том же доме, где прятались после казни Учителя, и вновь Он явился среди них. И вновь открыл Он, наставил и утвердил их ум в «уразумении Писаний», в том очевидном уже факте, что всё бывшее с Ним явилось исполнением предречений, данных «в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лк. 24:44): «Так написано, и так надлежало пострадать Христу

и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима; вы же свидетели сему, и Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше» (Лк. 24:46-49). И после этих слов «вывел их вон из города до Вифании» (Лк. 24:50), к горе Елеонской, с которой у учеников было связано столько святых и величественных впечатлений: на этой возвышенности, откуда открывался захватывающий вид на Иерусалим, Иордан, Мертвое море, в тени оливковых деревьев они не раз молились и отдыхали с Учителем, слушая Его притчи и поучения, здесь же прозвучали впечатляющие пророчества Его «малого апокалипсиса»... Более чем километровое шествие на Елеон («расстояние субботнего пути», т. е. не более двух тысяч шагов, которые разрешалось сделать в субботу), торжественное собрание учеников, Иисусово возвешение о скором крещении их Духом Святым (Деян. 1:5) — все это особенно воздействовало на присутствующих, пробудив на миг те надежды, что столетиями горели в сердце их народа: «Не в это ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1:6). Но ответ Иисуса тут же отбросил эти ветхие упования и подтвердил новый христианский сценарий разворачивания будущего, который Иисус так настойчиво внушал напоследок Своим ученикам: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:7-8). После этих, воистину уже самых последних, Своих слов на земле Иисус благословил апостолов, Своих свидетелей и наместников в мире сем, и «стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк. 24:51). Тот же св. Лука в «Деяниях апостолов», приводя этот эпизод, добавляет еще несколько дополнительных деталей: об облаке, что «взяло Его из вида их», об явившихся ангелах в виде «двух мужей в белой одежде» (Деян. 1:9,10), что сказали ученикам: «Что вы стоите и смотрите на небо? Этот Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1:11)¹. И тогда, поклонившись исчезающему в небе Иисусу как Богу, уже «с великой радостью» возвратились все в Иерусалим и «пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:52,53). Так завершает свое Евангелие св. Лука, уточнив уже в Деяниях, что апостолы «единодушно пребывали в молитве и молении с некоторыми женами и Мариею, Матерью Иисуса, и с братьями Его» (Деян. 1:14).

Вознесение Христа венчает таинственную сороковину дней, когда Он являл «Себя живым по страданию Своем со многими верными доказательствами» (Деян. 1:3), являл, как правило, внезапно и ненадолго. Откуда Он так беспрепятственно возникает и куда удаляется, где пребывает, в каком месте и каком общении? Это так и осталось тайной, к которой никто и не пытался прикоснуться. Создается впечатление, что находится Он уже в каком-то особом, если не в *неземном*, то уже в *надземном* измерении, и очевидно, в ином качестве — тонкой, духовной телесности, отличной от ее состояния до креста. Иисус существует в это время как бы между двух миров, еще на земле и уже не на земле, когда, по Его собственным словам, Он «еще не восшел к Отцу», но восходит. Во всяком случае, учеников, а за ними мир людей, и Воскресшего Богочеловека разделяет новая грань, рождающая — при всей пасхальной радости — несколько щемяще-грустное чувство, какое бывает при расставании: куда ушло то уникальное, бесценное время, когда Учитель был постоянно рядом с сынами человеческими, спал, ел и путешествовал вместе с ними, учил их и исцелял?.. И вот наконец Он и вовсе покидает землю, возвращается в лоно Божественной Троической жизни, а Его последователи и люди вообще остаются *здесь*, долу, в этой несовершенной природе, в этих земных обстоятельствах... Правда, уже блестит нам луч спасения и надежды, оставленный Им, правда, сохраняется и мистериально-материальное соединение с Божественной природой в Евхаристии, и внутренняя сердечная связь со Христом Его учеников и далее — всех христиан, и незримо-духовное Его присутствие в мире («Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28:20) — этими словами Спасителя завершает свое Евангелие св. Матфей), раскрытое Им в удивительном завете видеть в ближнем, которого мы оттолкнули или кому помогли, как бы Самого Христа (Его оттолкнули, Ему помогли...). Замечательно передает это смешанное чувство и грусти от расставания с Богочеловеком, от завершения избранного периода Его непосредственно-физического пребывания с людьми, и вместе — неизреченной радостной надежды соборное церковное сердце: «Господи, апостоли яко видеши Тя на облацех возносима, рыданием слез, Жизнодавче Христе, скорби

исполняеми, рыдающе глаголаху: Владыко, не остави нас сирых, ихже за милосердие возлюбил еси рабы Твоя, яко Благоутробен, но послѣ, якоже обещал еси нам, Пресвятаго Твоего Духа, просвещающа души наша» (из стихир на службе Вознесения).

Церковная служба на праздник Вознесения (автором ее был св. Иоанн Дамаскин) выразила и основную богословскую идею этого мистериального События: «Недр Отческих не разлучся, Сладчайший Иисусе, и с земными яко человек пожив, днесь от горы Елеонския вознеслся еси во славе, и падшее естество наше милостивно вознес, Отцу спосадил еси». Стихиры на этот праздник передают великое удивление сонма бесплотных сил, всех небесных иерархий («Ангелы дивятся, Человека зряще превыше себе... Господи, Твоему вознесению удивишася херувими...»): что за «восхождение странное», «что видение сие»? — «Человек убо зраком видимый, якоже Бог превыше небес с плотью восходит», образ воплощенного Человека поднимается горе, восседает одесную Отца.

Вознесение Христа на небо (причем небо, конечно, не в астрономическо-физическом, а в метафизическом смысле восхождения в Божественное бытие) совершается, как и Его воскресение, и волею Отца («вознесен был»), и силою Самого Богочеловека, являясь событием их согласования, сотрудничества, взаимодействия (синергизма). Более того, через Христа человеческая природа в ее духовно-душевно-телесном триединстве оказалась приобщенной к Божественному бытию, высшее человеческое естество, одухотворенно-обоженное во Христе-Богочеловеке, возводится в Самое Троицу¹. «Спаситель возшел на самое небо предтечею всех, дабы с святою плотью Своею явиться лицу Божию и посадить ее со Отцем (Евр. 9:24): и ныне естество наше во Христе принимает поклонение от всякой ангельской силы»¹, — выражает общее святоотеческое мнение блаж. Феофилакт. А вот что пишет современный пастырь Церкви: «Мы забываем, что вознесшийся Христос вознесся с изъязвленной, раненной нашим грехом плотью Своей, и что каким-то непостижимым образом, не только воскресший, но и вознесшийся Христос, вступивший в славу Божию, сидящий одесную Бога и Отца, несет на Своей человеческой плоти раны, которые Ему нанесены человеческим грехом; Он все еще несет на Своих плечах человеческую немощь, и Воскресение Христово и страшная Страстная седмица сейчас как бы включены в тайну Троиного Бога, Троицы Святой, Непостижимой, Великой»². И тогда может быть поставлен вопрос: не изменяется ли Сама Троица после вочеловечения Бога Сына, Его Воскресения и Вознесения «на небо» в нераздельном и неслиянном единстве двух Своих природ, Божественной и человеческой? И да, и нет, отвечает прот. Сергей Булгаков: «Что во времени является новым, то существует извечно в неизменности своей. Поэтому и Вознесение и одесную Отца Сидение не вносят никакого изменения в Бога, Вечность, и вместе с тем являются свершениями, достигаемыми в богочеловеческом процессе отношения Бога к миру»³.

Таким образом, в Вознесении преодолевается пропасть между Божественным и тварным бытием, жертвенная Божественная любовь нисходит к человеческому естеству, приобщает его к себе, в Себе обоживает, доводит до такого градуса духовной активности, которая преодолевает природно-материальные ограничения, и вводит это естество в Самое Троицу. И как Воскресение Христово распахнуто на род людской, прообразуя всеобщее восстание из мертвых, так и Вознесение — предсовершение преображенного вознесения человечества. Победа Богочеловека над смертью требует еще своего усвоения сынами и дочерьми человеческими, усвоения уже в богочеловеческом Деле преодоления законов падшего природного мира и обретения бессмертного, обоженного строя бытия — Царствия Небесного.

Как Ветхий Завет прообразует Новый Завет, так и Новый Завет проецируется в историческое и сверхисторическое свершение человечества в синергическом единстве с Богом. Определение ап. Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1) — говорит о вере как об *осуществлении* высших

чаяний Благой Вести и *уверенности* в плодах этого осуществления, еще невидимых. Вера и должна стать обетом, клятвенным обещанием способствовать осуществлению «ожидаемого» и «невидимого». Когда апостол Иаков утверждает: «Вера без дел мертва» (Иак. 2:20) и «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя» (Иак. 1:22), то и *дело*, и *исполнение* должны быть поняты как реализация основных онтологических обетований христианской веры: воскресения умерших, преобразования их природы, входа в бессмертный, творческий эон бытия.

Апостол Павел, цитируя библейский псалом о величии человека, которому Бог «все покорил под ноги его» (Пс. 8:7), продолжает: «Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено» (Евр. 2:8). Важнейшее направление христианской деятельности в мире по реальному покорению материальных стихий, «вещественных начал» мира, освобождению от «рабства тлению» по-настоящему еще не начиналось. Наследники Царствия Небесного во многом не вышли из *несовершеннолетия* в вере, не дерзают пойти навстречу Христову искуплению рода людского от первородного греха с его следствиями пожирания, вытеснения и смерти, завершив это искупление собственным усилием, по формуле Спасителя: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Задача сынов и дочерей человеческих — прийти к совершеннолетию, «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова», «в единство веры и познания Сына Божия» (Еф. 4:13), всем во всей глубине *понять* и *признать* Высший идеал обожения мира, Христов путь к нему.